

УДК 327 (575.2)(40)
DOI: 10.36979/1694-500X-2025-25-11-170-176

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ
ПОНЯТИЯ «МНОГОВЕКТОРНОСТЬ» ВНЕШНИХ ПОЛИТИК
НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ**

С.Г. Иванов, А.К. Касымалиева

Аннотация. Систематизированы теоретические подходы, используемые при исследовании “многовекторности” внешних политик национальных государств. В частности: дано авторское определение многовекторности; ее анализ, базирующийся на неолиберальном и неореалистическом подходах; классификация ее видов и стратегий; систематизированы дипломатические стратегии и приемы национальных государств, реализующих многовекторную внешнюю политику. В качестве перспективного направления исследований предложена разработка неоевразийского подхода, использование которого позволит исследовать отношения постсоветских стран с остальными странами мира с позиций объективности и ценностной нейтральности в наибольшей степени.

Ключевые слова: многовекторность; национальное государство; теоретический подход; неореализм; неолиберализм; неоевразийство.

**УЛУТТУК МАМЛЕКЕТТЕРДИН ТЫШКЫ САЯСАТТАРЫНЫН
«КӨП ВЕКТОРЛУУЛУК» ТУШУНУГУН ИЗИЛДӨӨНҮН
ТЕОРИЯЛЫК ҮКМАЛАРЫ**

С.Г. Иванов, А.К. Касымалиева

Аннотация. Берилген макалада улуттук мамлекеттердин тышкы саясатынын “көп векторлуу” мүнөзүн изилдөөдө колдонулган теориялык үкмалар системалаштырылган. Атап айтканда: автордун көп векторлуу деген аныктамасы берилген; неолибералдык жана неореалисттик мамилелерге негизделген анын анализи; анын түрлөрүн жана стратегияларын классификациялоо; көп векторлуу тышкы саясатты ишке ашыруучу улуттук мамлекеттердин дипломатиялык стратегиялары жана үкмалары системалаштырылган. Изилдөөнүн көлөчкөтүү багыты катары, неоевразиялык үкманы иштеп чыгуу сунушталат, аны колдонуу постсоветтик өлкөлөрдүн мамилелерин объективдүүлүк жана баалуулуктар нейтралдуулугу позициясынан эң чоң деңгээлде изилдөөгө мүмкүндүк берет.

Түйүндүү сөздөр: көп векторлуулук; улуттук мамлекет; теориялык мамиле; неореализм; неолиберализм; неоевразизм.

**THEORETICAL APPROACHES TO THE STUDY OF THE CONCEPT
OF «MULTI-VECTORIALITY» OF FOREIGN POLICIES
OF NATIONAL STATES**

S.G. Ivanov, A.K. Kasymalieva

Abstract. The article systematizes theoretical approaches used in the study of the “multi-vector” nature of foreign policies of national states. For these purposes, the concept of multi-vector is defined; the reasons and goals

that prompt post-Soviet countries to proclaim it from the positions of neoliberal and neorealistic approaches are systematized; the types and strategies of multi-vector are classified; diplomatic tactics used by national states in the course of implementing multi-vector foreign policies are summarized. As a promising direction of research, the development of a neo-Eurasian approach is proposed, the use of which will allow us to study the relations of post-Soviet countries from the positions of objectivity and value neutrality to the greatest extent.

Keywords: multi-vector; nation state; theoretical approach; neorealism; neoliberalism; neo-Eurasianism.

Исследования “многовекторной внешней политики” национальных государств в рамках теории международных отношений начались на рубеже тысячелетий. В то же время страны постсоветского пространства начали использовать термин “многовекторность” на практике с момента обретения своего суверенитета еще в 90-х годах XX века. “Многовекторность” провозглашалась, имплементировалась в концептуальные документы и реализовывалась в качестве основополагающего принципа внешней политики. Однако до настоящего времени не сформулирована общепризнанная концептуализация этого понятия, не был осуществлен анализ возможностей теоретических подходов к его исследованию, что ведет к разнотечениям и неопределенностям. В связи с этим считаем предложенную проблематику актуальной и с теоретической, и с практической точек зрения.

Прежде всего, следует отметить, что понятие “многовекторность” подвергается критике дипломатами, политиками, учеными и представителями средств массовой информации. Основным аргументом является тот факт, что ни одно государство мира никогда не заявляло о своем стремлении к полной изоляции, т. е. о своей политико-экономической “одновекторности”. Из этого следует, что “многовекторность” – это внешнеполитическая позиция и стратегия национальных государств практически всех стран мира. В настоящей статье рассмотрим вопрос о том, что именно различные государства вкладывают в понятие “многополярности” или “многовекторности”, имея для этого различную мотивировку.

К примеру, Е. Прейгман сравнивает “многовекторность” с восходом и заходом солнца. Автор называет это понятие политическим слоганом, возникшим в девяностых годах прошлого века на постсоветском пространстве. Он считает “многовекторность” “элементарной нормой

для любой суверенной страны” и пишет о том, что: “Многовекторной внешней политики не существует, так как любое суверенное государство многовекторно по определению. Лишиться многовекторности можно лишь с утратой суверенитета. Нельзя использовать понятие и при выставлении ранжира в отношениях, так как отношения с различными акторами не могут быть абсолютно равными”.

Аналогичного мнения придерживается и А. Савиных, который отмечает “декларативный характер” понятия. Автор пишет о том, что провозглашение многовекторности – это лишь демонстрация государствами миролюбивости своей внешней политики, ее направленности на добрососедство и дружбу со всеми. С экономической точки зрения, “многовекторность” провозглашается в целях укрепления сотрудничества, совместного развития и достижения роста макроэкономических показателей. С точки зрения политики “многовекторность” должна “подчеркивать миролюбивость внешнеполитического курса страны, ее стремление к взаимовыгодному сотрудничеству, опирающемуся на нормы и основополагающие принципы Устава ООН” [1].

Достаточно критичен В. Абаджян, который настаивает на том, что страны используют понятие “многовекторность” лишь для того, чтобы скрыть свои истинные внешнеполитические интересы и цели. По мнению автора, важнейшая задача других участников международного взаимодействия – выявить эти тенденции, что жизненно необходимо для принятия выверенных внешнеполитических решений. “Многовекторность” он определяет как движение (в большинстве случаев скрытое) от одного полюса к другому, отказываясь признавать возможность лавирования между ними. В. Абаджян считает, что только постоянный нейтралитет позволяет сохранять равную дистанцию от полюсов,

но в подавляющем большинстве случаев – это динамичный процесс, подобный колебаниям маятников. При этом в международных отношениях маятник не приходит в состояние равновесия, а примыкает к одному из полюсов, что противоречит законам физики [2].

Тарас Кузьо высказывает достаточно категорично, заявляя о том, что “многовекторность” – это “непостоянное, бессвязное и идеологически пустое поведение” [3].

О многовекторности своей внешней политики заявляют постсоветские страны, не претендующие на глобальную роль. К примеру, в концептуальных документах Армении “многовекторность” – это основной принцип внешней политики, способный взаимодополнять возможности акторов мировой политики [4]. Аналогичного подхода придерживаются и в Узбекистане [5].

Широкий дискурс по вопросу определения понятия “многовекторность” развернулся в Беларуси. К примеру, в 2010 году В. Шадурский писал о том, что многовекторность является “стремлением стран сотрудничать со всеми”. При этом автор отмечал, что существует возможность, при которой придется сотрудничать с “несколькоими, порою конфликтующими в регионе, центрами силы” [6, с. 50]. Другие белорусские ученые В. Стаковский и Ю. Ярмолинский считают, что “многовекторность” – эмпирический термин, под которым подразумевается независимая самостоятельная внешняя политика, целью которой является поддержка баланса в отношениях как с глобальными, так и с региональными центрами силы; “множественность направлений сотрудничества, определенная потребностью в развитии взаимовыгодных отношений между Севером и Югом, Востоком и Западом” [7]. В 2021 году состоялось VI Всебелорусское народное собрание. На нем Президент страны А.Г. Лукашенко определил “концепцию многовекторности” страны, под которой он подразумевает “отношения со всеми государствами и их союзами на базе таких международных принципов, как равноправие, взаимное уважение и невмешательство во внутренние дела; сбалансированные и разнообразные связи со всеми участниками международных отношений”. Чуть позже,

в 2022 году, белорусские ученые В.В. Шимов и Н.М. Межевич дали собственное определение многовекторной внешней политики, как “склонности средних государств к балансированию в geopolитическом пространстве при создании многосторонних альянсов [8].

В рамках теории международных отношений многовекторность исследуется с позиций нескольких подходов. К примеру, классик неореализма Р. Хэнкс считал, что в основе многовекторной внешней политики должны лежать “прагматизм и неидеологические факторы” [9, р. 259]. К. Куик сравнивал многовекторность и политику хеджирования. Он считал, что “многовекторность” представляет собой или присоединение, или балансирование государств, направленные на обеспечение безопасности и максимизацию выгод правящих элит [10, с. 163].

К исследователям, изучающим многовекторность с точки зрения неолиберального подхода, можно отнести Е. Гнедину. В ее интерпретации “многовекторность” – это “особый способ элит постсоветских стран максимизировать собственные выгоды в краткосрочный период, используя противоречия держав глобального уровня”; это “и не балансирование, и не примыкание” [11, р. 1007–1029].

С момента обретения суверенитета в Кыргызстане “многовекторность” была провозглашена основной характеристикой внешней политики страны. Однако использование данного понятия в республике имеет существенное отличие от его использования в других постсоветских странах. В нашей стране она не просто упоминается, а имеет четкое и конкретное определение в концептуальных актах. В частности, в основном документе, регламентирующем внешнюю политику Кыргызстана – Концепции внешней политики – “многовекторность” определена в качестве “сотрудничества со всеми государствами-членами ООН и международными организациями на основе добной воли, взаимного понимания и взаимного уважения интересов” [12].

При этом, многовекторность как один из основных принципов внешней политики Кыргызстана провозглашалась на всех этапах эволюции его внешней политики. В то же время столь

широкое толкование “многовекторности” в правовых актах позволяет рассматривать ее существенное содержание в соответствии с любым из существующих на сегодняшний день научных определений. С практической точки зрения Кыргызстан использует понятие внешнеполитической “многовекторности” в качестве декларации своей готовности к последовательному, сбалансированному, прагматичному сотрудничеству со всеми ведущими державами мира, опирающуюся на принципы доброй воли, взаимного понимания и взаимного уважения интересов друг друга.

Рассмотрим теоретические подходы к исследованию понятия “многовекторности” внешней политики. В современной теории международных отношений исследования “многовекторности” осуществляются, преимущественно, с позиций неолиберализма или неореализма.

1. *Неолиберализм.* Данный подход использовала Е. Гнедина в исследованиях многовекторности внешней политики Украины [11]. Она пришла к выводу о том, что “многовекторность” Украины провозглашали правящие политические элиты страны, которые руководствовались исключительно соображениями максимизации собственных или личных выгод в полном соответствии с теорией всеобщего рационализма. По мнению автора, такими выгодами являются: сохранение власти, материальное обогащение, выход из-под зависимости от международных акторов глобального уровня при принятии внешне- или внутриполитических решений. Используя теорию коллективного выбора, Е. Гнедина принимала за аксиому положения о том, что малые и средние государства являются рациональными акторами, а их многовекторная внешняя политика – это совокупный коллективный выбор политических элит, которые ограничены в своих действиях значительными внутренними и внешними факторами.

Кроме того, Е. Гнедина приходит к выводам о том, что “многовекторность” – это асимметричные переговорные “игры” малых государств и конкурирующих держав, которые могут привести к двум исходам. Либо малые государства

удовлетворяют требования держав глобального уровня, либо лавируют между их требованиями и интересами. В первом случае малые страны нацелены на ослабление внешнеполитического давления. Во втором – на получение уступок и более выгодных условий соглашений с одним или несколькими игроками. При этом, в своем стремлении усилить переговорные позиции (*bargaining power*) в достижении собственных целей малые государства могут использовать тактическое дипломатическое маневрирование. К таким дипломатическим тактикам автор относит: интернационализацию спора, при которой малые страны обращаются к одной стороне для защиты от другой; торговлю “лояльностью”; угрозу перехода к конкурирующей державе; стратегию вбивания “клина” между конкурирующими державами; использование асимметричной информационной стратегии и т. д. [11, с. 115]. Следует отметить, что на практике такие игры с глобальными игроками зачастую приводят к трагическим последствиям для малых стран и народов, их населяющих.

Сторонник неолиберального подхода А. Кули ввел понятие “больших игр по местным правилам”. Его смысл состоит в том, что внешняя политика малых и средних государств обусловлена взаимодействиями внутренних и внешних сил, которые имеют различные интересы. По мнению автора, целями многовекторности являются: “рентоискательство¹, сохранение режима, клиентелизм², предотвращение доминирования одной из глобальных держав, сохранение суверенитета и т. д.” [13].

2. *Неореализм.* Другой теорией международных отношений, исследующей внешнеполитическую “многовекторность”, является неореализм. В соответствии с ним малые

¹ Г. Таллок понимал под рентоискательством, или рентоориентированным поведением, “получение дополнительных доходов экономическими субъектами сверх их обычных доходов за счет использования политической власти и ее внешнеполитической деятельности” [14].

² Под клиентелизмом П.Я. Фельдман понимал “установление иностранного политического, экономического или военного контроля над национальными элитами и ключевыми институтами гражданского общества национальных государств” [15].

и средние государства провозглашают и используют “многовекторность” в целях обеспечения собственной безопасности. Политические элиты избирают данную внешнеполитическую тактику под давлением общественного мнения, оппозиционных сил, СМИ, гражданского общества и т. д. В этом случае малые и средние государства выбирают стратегию “балансирования” или “присоединения” к одной из противоборствующих глобальных держав (*bandwagoning*) [16].

Профессор Р. Швеллер исходил из положения о том, что для малых государств державы глобального уровня могут представлять как угрозы, так и возможности. Он писал о том, что в случае возникновения внешних угроз малые страны выбирают стратегию “балансирования” для минимизации потерь. Эта стратегия может быть мотивирована целями обеспечения собственной безопасности, самосохранения, либо защиты национальных ценностей. В ином случае малые государства могут избрать стратегию “присоединения” к наиболее сильному государству или союзу государств для получения политических, экономических, военных или иных выгод [17].

Другим сторонником неореализма является Никола Контесси. По его мнению, малые государства используют многовекторную внешнюю политику вследствие взаимодействия их геополитических характеристик, а также самой природы политических режимов государств. Н. Контесси пишет о том, что большие государства могут дать малым помочь, покровительство или престиж. В то же время они могут ввести малые страны в политическую, экономическую, военную или иную зависимость. Автор дал классификацию многовекторности по типам задач, для достижения которых она может быть использована:

1. Обеспечение национальной безопасности от геополитически более мощных стран или их союзов в целях сохранения национального суверенитета и независимости.
2. Обеспечение гарантий сохранения правящих режимов от внешнеполитического давления.

3. Диверсификация торговли природными ресурсами для максимизации прибылей.
4. Социально-экономическое развитие страны посредством диверсификации иностранных инвестиций в национальные инфраструктурные проекты, а также вхождение в экономические, финансовые и транспортные цепочки [18].

Следует отметить, что к настоящему времени исследования взаимодействия постсоветских стран с державами глобального уровня опираются, преимущественно, на два вышеназванных теоретических подхода. При этом, неоевразийский подход в таких исследованиях практически не используется. Неоевразийство, как четвертая политическая теория, нацелено на объединение народов и интеграцию стран постсоветского пространства. В основе такой интеграции лежит ментальное, культурологическое, идеологическое, историческое, политическое, экономическое и прочее единство славянских и туранских народов. И если неолиберальный и неореалистский подходы опираются на понятия “выгода” и “рациональный pragmatism”, исходящие из естественного национального эгоизма, то неоевразийский подход учитывает наличие как истинного, так и инструментального альтруизма в отношениях между странами. Эти подходы диаметрально противоположны в том плане, что идея взаимодействия суверенных стран на основе братства народов не может быть рассмотрена посредством использования западных теорий всеобщего рационализма и общественного выбора по определению. Считаем, что исследование постсоветского геополитического пространства, многосторонней экономической и политической интеграции, взаимообогащения культур и народов, развития общей идентичности и стратегий достижения прогресса, процессов укрепления региональной стабильности и т. д. с точки зрения неоевразийского подхода еще не раскрыли свой потенциал. В настоящее время сформулировано условное название интеграционного объединения, в исследований которого необходим неоевразийский подход. Это – “цивилизационное объединение (единение)”, либо “объединение на основе единства цивилизационных основ и общих политических,

экономических, культурологических и духовных целей развития”.

Таким образом, основными теоретическими подходами к исследованию “многовекторности” внешних политик национальных государств являются неолиберализм и неореализм. В рамках неолиберального подхода используются теории всеобщей рациональности и общественного выбора, концентрирующие внимание на причинах декларирования правящими политическими элитами внешнеполитической стратегии “многовекторности”. Основным постулатом, к которому приходят неолиберальные исследователи, является положение о том, что в случае заинтересованности внешних и/или внутренних игроков “многовекторность” декларируется для сохранения правящих режимов, клиентелизма, рентоискательства, сохранения национального суверенитета, а также уравновешивания влияния глобальных геополитических акторов.

В рамках неореалистского подхода основное внимание уделяется обеспечению политической, экономической и военной безопасности национальных государств, во имя обеспечения которой они провозглашают “многовекторность” своей внешней политики. Помимо обеспечения национальной безопасности от более сильных государств или их блоков основными целями провозглашения “многовекторности” являются: защита правящих политических элит от внешнеполитического давления, ставящего под сомнение их легитимность; диверсификация торговли природными ресурсами для максимизации прибылей; социально-экономическое развитие посредством диверсификации иностранных инвестиций в национальные инфраструктурные проекты, а также вхождение в экономические, финансовые и транспортные цепочки.

В рамках обоих подходов исследуются следующие стратегии многовекторности:

- *Стратегия балансирования*. Используется для избежания или минимизации потерь, или получения преференций от противоборствующих глобальных держав.
- *Стратегия присоединения*. Используется для получения дополнительных выгод, либо для обеспечения национальной безопасности.

В ходе реализации вышеназванных стратегий малые государства могут использовать следующие дипломатические тактики: асимметричная переговорная “игра”; игры на противоречиях держав; тактика “отложенных проблем”, означающая умышленное затягивание переговорных процессов до момента наступления более благоприятных условий; интернационализация споров, означающая втягивание третьей силы для обеспечения собственной безопасности; торговля “лояльностью”, в том числе посредством угроз сближения с конкурирующей державой; асимметричная информационная политика; вбивание “клина” между конкурирующими державами и т. д.

Помимо неолиберального и неореалистского теоретических подходов “многовекторность” стран постсоветского пространства может быть подвергнута теоретическому осмыслению с использованием теории неоевразийства, потенциал которой еще только предстоит раскрыть.

Поступила: 08.10.2025;

рецензирована: 22.10.2025; принята: 24.10.2025.

Литература

1. Что такое многовекторность? В Беларуси впервые появится Концепция внешней политики. 06.01.2022. URL: <https://minsknews.by/chto-takoe-mnogovektornost-v-belarusi-vperwyie-royavitsya-konczepciya-vneshnej-politiki/> (дата обращения: 11.06.2025).
2. Абаджян В. Особенности политики многовекторности на постсоветском пространстве / В. Абаджян // Российский Совет по международным делам. 21 марта 2022. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/riacdigest/osobennosti-politiki-mnogovektornosti-na-postsovetskom-prostranstve/> (дата обращения: 11.07.2025).
3. Кузьо Т. Украина – часть будущего Европы? / Т. Кузьо // The Washington Quarterly. 2006. V. 29. N 3. URL: https://www.tandfonline.com.translate.google/doi/abs/10.1080/09668136.2015.1066313?_x_tr_sl=en&_hl=ru&_x_tr_pto=sc (дата обращения: 06.08.2025).
4. Минасян С. Многовекторность внешней политики постсоветских евразийских государств / С. Минасян // Демократизация. 2012. Т. 20. № 3. URL: <https://demokratizatsiya.pub/>

- archives/ 20_3_T13869202353.pdf (дата обращения: 12.10.2024).
5. Номеровченко А. Внешнеполитическая ориентация независимых государств Центральной Азии: взгляд сквозь призму идей и идентичностей / А. Номеровченко, Дж. Ким, В. Кан // Корейский журнал международных исследований. 2018. Т. 16. № 3. URL: <https://doi.org/10.14731/kjis.2018.12.16.3.389> (дата обращения: 14.06.2025).
 6. Шадурский В.Г. Реализация принципа многовекторности в белорусской внешней политике // БГУ, Труды факультета международных отношений: научный сборник / В.Г. Шадурский. 2010. Вып. 1. URL: <http://elib.bsu.by/handle/14569/5210> (дата обращения: 16.02.2025).
 7. Стаковский В. О новом формате многовекторности. 29 июня 2021 / В. Стаковский, Ю. Ярмолинский. URL: <https://bisr.gov.by/mneniya/o-novom-formate-mnogovektornosti#:~:text=B%20> (дата обращения: 12.08.2025).
 8. Межевич Н.М. Концепция многовекторности в системе внешнеполитических практик “средней страны” (на примере Беларуси) / Н.М. Межевич, В.В. Шимов // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2022. Т. 15. Вып. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsepsiya-mnogovektornosti-v-sisteme-vneshnepoliticheskikh-praktik-sredneye-stranyere-belarusi> (дата обращения: 15.08.2025).
 9. Хэнкс Р.Р. “Многовекторная политика” и растущая роль Казахстана как геостратегического игрока в Центральной Азии / Р.Р. Хэнкс // Журнал balkanskih и bлижневосточных исследований. 2009. Т. 11. Вып. 3. URL: <https://doi.org/10.1080/19448950903152110> (дата обращения: 19.07.2025).
 10. Куик К. Суть хеджирования: ответ Малайзии и Сингапура на усиление Китая / К. Куик // Современная Юго-Восточная Азия: журнал международных и стратегических отношений. 2008. Т. 30. Вып. 2. URL: <https://www.jstor.org/stable/412203> (дата обращения: 01.11.2024).
 11. Гнедина Е. “Многовекторная” внешняя политика в Европе: балансирование, поддержка или торг? / Е. Гнедина // Европейско-азиатские исследования. 2015. Т. 67. Вып. 7. URL: <https://doi.org/10.1080/09668136.2015.6313> (дата обращения: 17.06.2025).
 12. Концепция внешней политики Кыргызской Республики. Утверждена Указом Президента Кыргызской Республики от 11 марта 2019 года УП № 37. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/430045> (дата обращения: 15.08.2025).
 13. Кули А. Великие игры, местные правила: Новое соперничество великих держав в Центральной Азии / А. Кули. Оксфорд: Oxford University Press, 2012. URL: <https://www.amazon.com.translate.google/Great-Games-Local-Rules-Contest/dp/019933143X?to=sc> (дата обращения: 18.08.2025).
 14. Иванков К.В. Рентоориентированное поведение в деятельности политики-экономических групп Украины / К.В. Иванков // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2022. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rentorientirovannoe-povedeniemiесkikh-ukrainy> (дата обращения: 21.07.2025).
 15. Фельдман П.Я. Геополитический клиентелизм в международных отношениях: стратегия и тактика Запада / П.Я. Фельдман // Международные отношения. 2014. № 2. С. 189–193.
 16. Многовекторная дипломатия в теории и на практике (Часть 1) // CAA NETWORK. 2018. 19 апреля. URL: <https://www.caa-network.org/archives/291> (дата обращения: 22.08.2025).
 17. Швеллер Р. Погоня за прибылью: возвращение ревизионистского государства / Рэндал Швеллер // Международная безопасность. 1994. Т. 19. № 1. URL: https://muse-jhu-edu.translate.google/article/447318/summary?xhl=ru&x_tr_pto=sc (дата обращения: 11.06.2025).
 18. Никола П. Контеssi. Диверсификация внешней политики и политики безопасности в Евразии: разделение вопросов, совместная деятельность и сила отношений / Никола П. Контеssi // Проблемы посткоммунизма. 2015. 62:5. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1107586.2015.102> (дата обращения: 09.07.2025).